

УДК 008: 82-343: 159.95

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СУДЬБЫ

Яковлева Елена Людвиговна

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова
(г. Казань, Россия)

Аннотация

Объектом статьи избрана судьба человека, исследуемая посредством аналитического метода. В результате анализа объекта выявлено, что в философских концепциях, посвященных проблеме, мыслители в виду невозможности объяснения судьбы и ее механизмов приходят к мифологизации феномена. Среди онтологических констант судьбы называются тотальность, предзаданность, неопределенность, случайность. Уже в античности намечаются две линии в интерпретации судьбы человека: одна связана с пониманием фатальности и предзаданности судьбы Богами/высшими силами, другая – с возможностью индивидом менять ход событий, уходя от предопределенности. В современности субъективная попытка понять судьбу осуществляется у творческих/медийных личностей в автобиографической/мемуарной литературе, а у массовой аудитории – на личных страницах в социальных сетях. Но оба формата не лишены мифологизации, что создает комфортные пространства для индивида, не способного до конца прояснить свою судьбу и укрывающего в мифах о себе неприятное/неэтичное.

Ключевые слова: судьба; миф; мифологизация; экзистенциальный аспект судьбы; автобиографическая/мемуарная проза.

ONTOLOGICAL AND MYTHOLOGICAL FOUNDATIONS OF FATE

Iakovleva Elena Ludvigovna

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
Kazan, Russia

Abstract

The object of the article is the fate of a person, investigated by means of an analytical method. As a result of the analysis of the object, it is revealed that in philosophical concepts devoted to the problem, thinkers, in view of the impossibility of explaining fate and its mechanisms, come to the mythologization of the phenomenon. Among the ontological constants of fate are called totality, predestination, uncertainty, randomness. Already in antiquity, two lines in the interpretation of human fate are outlined: one is connected with the understanding of fatality and predestination of fate by the Gods / higher powers, the other is with the ability of an individual to change the course of events, moving away from predestination. In modern times, a subjective attempt to understand fate is carried out by creative/media personalities in autobiographical/ memoir literature, and by a mass audience – on personal pages in social networks. But both formats are not devoid of mythologization, which creates comfortable spaces for an individual who is not able to fully clarify his fate and hides unpleasant/unethical in myths about himself.

Keywords: fate; myth; mythologization; existential aspect of fate; autobiographical/memoir prose.

Введение

Судьба, связанная с predetermined совокупностью обстоятельств/событий, непредсказуема для человека. Ее течение, повороты и событийность нередко не поддаются объяснению. Личность, находящаяся в объятиях судьбы, мучается решением экзистенциальных проблем, нахождением смыслов, выбором среди альтернатив пути. Судьба связана с конкретным существованием человека и формированием/п(р)оявлением модуса индивидуальных экзистенциалов. Она неотвратима, свершаясь здесь и сейчас. Но порою человеку трудно понять, что в ней является предзаданным, неизбежным, а что – случайным. При рефлексировании *post factum* над происходящим нередко выясняется, что случайное предзаданно или способно привести к неизбежному.

Все, связанное с судьбой и ее событийным рядом, трудно поддается объяснению и рационализации. Любое рефлексирование над собственной/чужой судьбой чаще обречено на провал, рождая большее количество вопросов и нередко не проясняя ситуации. Неудачи в осмыслении феномена приводят личность в сферу мифологического, допускающего фантастичность/невероятность/чуждость в понимании судьбы и судьбоносной ситуативности. Удивительно, но даже в XXI веке интерпретации судьбы личности посредством мифологического не потеряли актуальности, очередной раз подчеркивая тезис о мифе как вечной культурной форме. Мифологические суждения о судьбе, играя роль механизма в решении проблем, встраиваются в жизнь современного человека, и даже становятся его руководствующим принципом. Мифологическое (чаще архетипическое) содержание обуславливает мысли и действия индивида. Перечисленное послужило выбору объекта статьи. Им стала проблема судьбы и выявления в ней наиболее характерных оснований.

Методы

В качестве главного метода исследования избран аналитический. Он позволил проанализировать специфику судьбы и обнаружить в ней онтологические и мифологические черты.

Литературный обзор

Тема судьбы и ее мифологизации оказывается довольно привлекательной и многоаспектной в научном дискурсе. Судьбу рассматривают в качестве мифологемы и ее становления в культурной традиции [Мартысюк 2022; Шафоростов 2020], анализируют на примере конкретных мифов и их воплощения в культурно-исторических эпохах [Ставицкий 2022], интерпретируют с точки зрения человека как творца мифа, пытающегося «обрести самого себя сущностного» [Хахалова 2019: 39] и превращающего себя в миф [Золотухина-Аболина 2021], отождествляют со статусом жизненного пути человека-бренда (на примере модельера и дизайнера Йодзи Ямомото) [Миляева, Сулейманова 2021], трактуют в контексте творчества как элемент судеб героев [Евлампиев 2022; Заславский 2021]. Тем не менее, проблематичное поле исследований судьбы оставляет довольно много открытых вопросов, что обусловлено непостижимостью судьбы и вечностью мифа как культурной формы, постоянно меняющейся на протяжении своего развития.

Результаты и обсуждение

Истоком формирования представлений о судьбе и последующих теоретизаций стали жизнь человека и появившиеся позже космогонические мифы,

мифы о богах и героях. И если мифы частично проясняли ситуацию о судьбе и судьбоносной миссии мироздания/бога/героя, то жизнь конкретного человека стала свидетельством того, что судьба непонятна, загадочна, имеет несколько интерпретаций. При этом трактовка личностью своей судьбы отлична от окружающих людей. Необходимо признать, многие мыслители задавались вопросом о сущности судьбы и прояснения ситуации счастливой/трагической участи человека, осуществленном или нереализованном в ней, связанном с проектом бытия и смыслом жизни.

Первые попытки философского осмысления судьбы обнаруживаются в древности. И уже здесь намечается тенденция сохранения мифического флера при рационализации онтологической проблемы. К мифологизации античные мыслители (вынужденно) прибегают в результате невозможности понять в полном объеме человеческую судьбу и ее механизмы. Подчеркнем, в античности данному обстоятельству способствовал и тип мировоззрения, полностью не избавившийся от веры в олимпийских богов. Еще Гомер заметил, что осознание человеком власти судьбы происходит в ситуации невозможности управления силами бытия, что приводит к пониманию пассивной роли индивида. Он понимает, что никто из людей и даже богов не влияет на богинь судьбы Мойр, ткущих нить человеческой жизни. Человек начинает верить в предопределенность жизненных ситуаций, снимая ответственность за свои поступки в виду управляемости внешними силами.

Гераклитовская точка зрения на судьбу не лишена мифологизации. Индивид в поисках Логоса «прислушивается к голосу природы (закону необходимости) и поступает сообразно ее законам», проявляя *природосообразное поведение*, что определяет его судьбу и содействует нахождению своего предназначения [Гераклит]. Приведенная цитата свидетельствует о противоречивости алгоритмов действий индивида: при подчинении необходимости он волен осуществлять личный выбор, что способствует пониманию судьбы. Но прояснения ситуации в отношении предназначения человека, голоса природы мы не найдем, что позволяет мифологизировать о судьбе в категориях абстрактного.

Элементы мифического в понимании судьбы находим и в рассуждениях Платона, что не удивительно в виду его идеализма. Философ связывал судьбу со свободой выбора души умершего человека своего будущего существования, закрепляющего его у Мойр и забывающего об этом после питья из реки забвения. Выбор души умершего очередного перевоплощения порою неразумен, что обусловлено непроясненностью реальным индивидом своей судьбы и судьбоносного предназначения. Одновременно античный идеалист допускает ситуацию вмешательства личности в свою судьбу. Философ подчеркивает, в бытии индивида многое «подчиняется року, но не все им предопределено, ибо действие рока подобно закону, который не может сказать, что один совершит одно, с другим случится другое и так далее, до бесконечности, поскольку бесконечно число рождающихся и бесконечны обстоятельства, в которых они оказываются» [Платон 2000: 463]. Согласно Платону, у каждого человека существует свободный выбор, несмотря на власть Мойр. Великий идеалист древности замечает, «все человеческое зависит от судьбы и случая», но «есть и нечто третье, следующее за ними, – искусство»: «своевременное применение искусства кормчего в случае бури дает, по-моему, большие преимущества» [Платон 1999: 160]. Под *искусством кормчего* Платон понимал следование мировой гармонии и умение осуществлять выбор в пределах необходимости. В данном положении мы встречаемся с

мифическим понятием *мировой гармонии*, которой должен следовать кормчий. Но конкретного прояснения как самой *мировой гармонии*, так и *умения осуществлять выбор* мы не найдем. Платоновское понимание судьбы как предзаданного хода событий в бытии человека, допускающего свободу выбора, не избегает мифологических детерминант.

У стоиков акцентируется внимание на фатальности, истоком которой оказываются боги и последствия действий людей. Стоики утверждали, что судьба есть естественный закон, поэтому человеку вменялось спокойно воспринимать радости и горести бытия: «все случающееся с тобою было изначально суждено тебе и сопряжено с тобою в силу устройства Целого» (Марк Аврелий) [Цитаты]. Во власти человека оказываются только возможность приспособиться к окружающей среде, научиться пользоваться наличным и довольствоваться судьбой.

Таким образом, античные философы, размышляя над судьбой человека, представили теоретизации о ней, укоренив онтологический феномен в качестве проблемы дальнейших исследований. Формируются две основные тенденции представлений о судьбе как онтологемы: одна связана с идеей фатальности и предзаданности судьбы Богами/высшими силами, вторая – допускает изменения бытия индивида посредством волевого усилия, ломающего ход развития событий. Среди констант судьбы, порою неявно выделенными античными мыслителями, назовем тотальность, предзаданность, неопределенность, случайность, а со стороны индивида по отношению к судьбе – непознаваемость, покорность либо волевое усилие/действие. Несмотря на логико-теоретические основания анализа судьбы, в античной философии наблюдаются проявления в размышлениях черт мифологического сознания. Данный факт обусловлен и типом мировоззрения, и невозможностью объять и объяснить многообразие человеческих судеб рефлексией.

В дальнейшем философы не отошли в своих доктринах от мифологизации судьбы. Так, в философии Средних веков судьба олицетворяла предзаданный Богом путь. Августин подчеркивал, что «судьбой называют саму божественную волю и силу» [Аквинский]. Фома Аквинский проповедовал, что «судьба находится в Боге», поэтому «ничто не избегает своей судьбы» [Аквинский]. Благом для человека он называл его послушание Божественной воле, в этом и заключалась его судьба.

В эпоху Возрождения обнаруживается неоднозначность в трактовке судьбы. Она интерпретировалась как фортуна, подвластная в своем проявлении логике случайности. Одновременно с этим индивид мог выступить в качестве творца своей судьбы, так как обладал для осуществления судьбоносного предназначения мощным потенциалом, прокладывая волевым действием путь переменам. Леонардо да Винчи заметил, «в природе все мудро продумано и устроено, всяк должен заниматься своим делом, и в этой мудрости – высшая справедливость жизни» [Винчи]. Судьба как жизненный путь – это одновременно заданность и неограниченный выбор подручного, попадающего в оптику внимания. В возрожденческой мысли мы очередной раз встречаемся с элементом мифологизации в отношении к судьбе. И в роли непроясненных элементов выступают такие онтологические феномены как фортуна, случайность, путь перемен, занятия своим делом и пр. Действительно, человек и его бытийствование есть определенная открытость, предполагающая множественность решений, в том числе среди предначертанного. Но степень открытости и конкретность действий

относится к пространству неопределенного, иницирующего мифологизацию в отношении судьбы.

Согласно Н.Г. Чернышевскому, судьба довольно своенравна. Она «любит посмеяться над человеком и его расчетами» посредством *случая*, который «невозможно предусмотреть» [Чернышевский]. Николай Гаврилович замечает, для любого дела необходимо множество условий, но они организуются спонтанно, хаотично. В итоге «никогда важное дело не делается *именно* так, как предполагал человек» [Чернышевский]. По Н.Г. Чернышевскому, в бытии встречаются волевые индивиды, свободно проявляющие себя в любых ситуациях и осуществляющие задуманное дело, пусть даже оно принимает совершенно другой поворот. В размышлениях русского критика мифологизируется судьбоносный случай, демонстрирующий личности фиаско ее планов в предзаданном.

М. Хайдеггер отмечает, что судьба суть «пред-назначение, исходящее от явленности бытия сущего» [Хайдеггер 1993б: 181]. Она влияет на горизонт личности, ее проявления и искания, поэтому индивиду необходимо вслушиваться в бытие и следовать ему. Ключевая миссия судьбоносного предназначения раскрывается посредством *потаенности* в жизненном пути: «поступки только тогда и становятся событиями, когда отвечают миссии и судьбе» [Хайдеггер 1993а: 232]. Критические ситуации подводят личность к грани бытия, заставляя ощутить в своей оставленности *крушение*, *опустошение* и возможную *мобилизацию*. Самому индивиду необходимо «событие, которое, призывая,.. озарит его существо, даст ему сбыться и в этом осуществлении выведет... на путь мыслящего, поэтического обитания на земле» [Хайдеггер 1993б: 192]. Но для того, чтобы понять событие необходимо следовать судьбе, вслушиваясь в ее голос, где мышление «настраивает человека» и «позволяет ему стать послушным стражем истины бытия» [Хайдеггер 2007: 26]. Сам М. Хайдеггер критерия истинности *голоса судьбы* и правильности пути не называет. Возможно, ситуация объясняется тем, что выполняющий свою миссию индивид проявляет свободу и одновременно послушание: «судьба – никогда не принудительный рок», в ней человек «прислушивается к миссии, посылающей его в историческое бытие, приходя так к послушанию – но не к безвольной послушности» [Хайдеггер 1993а: 232].

По М. Хайдеггеру, судьба задана человеку, который должен научиться ее понимать, обнажая потаенное. Философ подчеркивает, «выход из потаенности есть та судьба, которая всегда уже, всегда вдруг и необъяснимо ни для какой мысли наделяет собой человека, делясь на раскрытие потаенного путями произведения и производства» [Хайдеггер 1993а: 235]. В приведенной цитате М. Хайдеггер неявно указывает на факт, что наиболее чутко прислушивается к бытию и дает выход потаенному творческая личность. Мышление творца открыто бытию: оно выходит за границы мира/познания, чутко улавливая ответы на вопрошания о сущем. В художественном произведении как послании гений кодирует полученные экзистенциальные смыслы и понимание собственного судьбоносного предназначения. В нем обнаруживается дар гения, сумевшего понять судьбу и выступающего в роли пророка. Хайдеггеровские размышления есть очередные интерпретации проблемы судьбы, не лишенные мифологизации.

Э. Левинас считает, что судьба *ушибает* человека, который должен «терпеть ее объятия, удушающие, подобно ночи» [Левинас 2000а: 11]. Личность, претерпевающая свое бытие, способна только заявить о себе нравственно, что делает ее счастливой. По Э. Левинасу, этические проявления выводят индивида «по ту

сторону видимости и света» [Левинас 2000б: 68], а «счастье обязательно укоренено в бытии, вот почему быть – лучше, чем не быть» [Левинас 2000а: 7]. В позиции философа высвечивается идея о фатальности бытия личности, в чем усматриваются реминисценции со стоиками. Оказавшись в объятиях судьбы, индивид вынужден принимать ситуацию как данность. Единственное, что способно доставить человеку удовольствие в неизбежности, это его нравственные проявления.

Небольшой обзор концепций судьбы, представленный нами, позволяет говорить о том, что судьба, выступающая в качестве отчужденной внешней силы и касающаяся каждого человека, представляет собой сложный и до конца непроясненный онтологический феномен. Данное положение допускает мифологизации в ее трактовке. Характеристики судьбы имеют эмоционально-оценочную окрашенность (вспомним, судьбу описывают как слепую, безжалостную, бессмысленную). В них привносится элемент метафоричности и абстрактности, символизма и чудесности, что размывает четкую границу между миром реальным и вымышленным. Философы, обращаясь к теме, укрепили в сознании людей труднодостижимость судьбы, имеющей в каждом конкретном случае индивидуализированный модус и приводящий к проявлению чудесного/трагического/неизбежного/предзаданного. Сложившаяся ситуация способствовала слиянию онтологемы и мифологемы в содержательном аспекте судьбы. Подчеркнем, онтологический и мифологический модусы судьбы, являясь неразделенными, активно используются в научно-философском, художественном, повседневном дискурсах, утверждая тезисы *судьба есть миф* и *миф есть судьба*.

Обратим внимание на экзистенциальный аспект феномена судьбы, получивший в современности более широкое распространение. Сегодня темы судьбы человечества/народа/государства значительно проигрывают теме судьбы человека, где акцентируется внимание на отношениях личности с миром. Данному факту способствует пространство социального, где осуществляется тотальная цифровизация, господствует идеология консюмеризма, эксплуатирующая нарциссизм личности, нарастают неопределенность и алармические настроения, заставляющие человека сосредоточиться на самом себе. В связи с этим в современности индивид пытается создать для себя безопасные среды, одной из которых оказываются миф и его элементы, проникающие в понимание личной судьбы. В этом отношении актуализируется позиция А.Ф. Лосева о том, что «миф есть бытие личностное или, точнее, образ бытия личностного, личностная форма, лик личности» [Лосев 2001]. Русский философ судьбу относил к экзистенциальным понятиям. Для личности судьба выступает в качестве проблемы, заставляющей принимать решения в виде следования текущим обстоятельствам либо противостояния им.

Особого внимания заслуживает судьба творческой личности в виду ее уникальности и яркости. Как справедливо заметила Е.П. Блаватская, «то, что делает одного смертного великим человеком, а другого – вульгарной и глупой личностью, является, так сказать, качеством физической оболочки и способностью либо неспособностью мозга или тела передавать и выражать реального, внутреннего человека; и его пригодность или непригодность к этому, в свою очередь, является результатом кармы» [Блаватская 2003]. В данном высказывании обращает на себя внимание то, что в бытии художника происходит пересечение предзаданности судьбоносных событий, телесности и особенностей

функционирования мозга творца, что выделяет ее в окружении и приводит к значимым результатам в творчестве.

Испытывая страх перед забвением и/или желая разобраться в хитросплетениях собственной судьбы, художник обращается к написанию автобиографической/мемуарной прозы. Но фиксация в ней событий оказывается не лишенной мифологизации, подтверждая тезисы, что *миф есть судьба* и *судьба есть миф*. В автобиографической/мемуарной литературе творец, демонстрируя субъективный проект судьбы, предстает героем. В зависимости от обстоятельств на страницах своих воспоминаний он чередует периоды сломленности судьбой, пассивного восприятия неизбежного и активных действий, ломающих предзаданность. Подобное чередование создает в повествованиях интригу, поддерживая интерес к персоне. Безусловно, основанием для автобиографической/мемуарной прозы является судьба самого творца, его жизненный опыт, мечты и желания, надежды и искания, привлекательное, что могло быть увиденным и услышанным у других [Яковлева 2018]. В результате синтеза действительно бывшего, возможного и воображаемого в описании появляется чудесное, позволяющее через его призму интерпретировать судьбу. Как заметил Ж.-Л. Нанси: «мифология заключается в мысли поэтико-вымышляющей онтологии, онтологии, представленной в образе онтогонии, где воплощается бытие, *воображая себя*, придавая себе подлинный образ своей собственной сущности и саморепрезентацию его присутствия и его дарованности» [Нанси 2011: 107].

Экзистенциальные мифологизации судьбы имеют ряд преимуществ. Они утверждают личность в бытии, придавая ей значимость не только в собственных глазах, но и в сознании окружающих людей. Даже проявления слабости и негативные поступки в подобных повествованиях либо оправдываются, либо вуалируются, приобретая флер вынужденного/неизбежного или единственно возможного в сложившихся обстоятельствах. Мифологизации в автобиографической/мемуарной прозе, связанные с проговариванием судьбоносных ситуаций, в том числе и непонятных, заставляют творца рефлексировать над уже бывшим и выстраивать траектории будущего, а также изменять акценты в описании. Подобные произведения способствуют пониманию художником себя и расширению горизонтов проявлений в социальном. Они «позволяют осуществиться *экстазу* (в переводе с греческого – нахождение вовне, пребывание вне себя) как выходу из собственной субъективности в бытие объективного» [Яковлева 2018]. Перечисленное обладает положительным эффектом воздействия на творческую личность, инициируя ее дальнейшие проявления и искания.

Мифологизации судьбы творческой/медийной личности в современности тиражируются не только в СМИ, но и в цифровом пространстве. Благодаря этому у массовой аудитории появляется возможность приобщиться к ним, впечатлиться и создать подобное. В современности мы наблюдаем появление множества экзистенциальных мифологизаций, затрагивающих проблему судьбы. Пример подобного мифотворчества задали творческие/медийные личности, пишущие автобиографическую/мемуарную прозу, вызывающую интерес со стороны массовой аудитории. Последняя начинает осознанно/неосознанно копировать понравившееся или значимое для нее, тиражируя элементы экзистенциального мифа о судьбе на страницах в социальных сетях. Его отличительными чертами становятся авторство, десакрализация, отсутствие мифологического переживания,

смещение акцентов с коллективного на индивидуальное, продолжающаяся нарративность, отсутствие единой сюжетной линии, фрагментарность, демонстративная постановочность, нередко несовпадение реального с позиционируемым, лицемерность, прикрываемая наигранной искренностью, следование шаблонам, потеря символизма, изменчивость, связанная с подчинением актуальным/модным тенденциям. С одной стороны, подобные ленты являются показателем своеобразной практики самоформирования личности, поиска себя. Но, с другой стороны, они не рожают рефлексивного отношения к судьбе, превращая онтологическую проблему в развлекательный формат и даже в товар. Современная личность, постоянно переключаящаяся из реальности в виртуальность и наоборот, все меньше занимается смысложизненными поисками и оказывается невнимательной к бытию, являя рассеянный формат жизни. Фрагменты жизни, расположенные в свободной последовательности и тиражируемые в сетях, олицетворяют ничтожение «индивидуальной судьбы индивидуального человека в каком-то значении» [Дугин 2009: 161]. Данный факт свидетельствует о том, что проблема судьбы человека значительно мельчает, что продиктовано логикой современной культуры, цифровизацией среды, идеологией консюмеризма.

Массовая мифологизация судьбы в социальных сетях оказывается обратной стороной современной глобализации, катастрофичности бытия, быстрой смены тенденций, масштабности потребления, несоизмеримости виртуальной среды и личности, что заставляет ее фокусировать внимание на собственном Я и фрагментарно позиционировать себя в глобальной деревне. Как справедливо заметил В.М. Найдыш, «личность постмодерна, мотивации которой задаются обществом потребления, не стремится вносить в процесс познания поправки на особенность своей позиции по отношению к объекту», «поэтому сознание постмодерна характеризуется возвратом от абстрактно-понятийного к наглядно-образному, эмоционально насыщенному, "клиповому" отражению, т.е. по сути к мифологическому восприятию мира» [Найдыш 2022: 13].

Заключение

Проведенный анализ феномена судьбы позволяет сделать следующие выводы. Рефлексиование над судьбой имеет множество непроясненных сторон, выводящих на проблему ее предзаданности, случайности и непостижимости, что неизбежно отсылает к божественному/трансцендентальному началу и рождает мифологизации. Можно назвать две основные тенденции в понимании судьбы человека. Либо он оказывается во власти судьбы, играющей роль внешнего, тотального, определяющего начала, что делает его неспособным сопротивляться судьбоносным силам. Либо личность, демонстрируя сопротивление судьбе, оказывается ее креативным соавтором. Но в обоих случаях трактовка судьбы имеет онтологические и мифологические основания, связанные как с самим феноменом, так и с личностью, подчиняющейся и/или начинающей управлять судьбой. Данное обстоятельство свидетельствует, что судьба есть одновременно и онтологема, и мифологема. Перечисленное приводит к формированию двух, взаимодополняющих когнитивных моделей: судьба – это всегда миф, в том числе личности, выказывающей субъективное видение происшедшего с ней, и миф, в том числе миф личности, есть демонстрация (индивидуальной) судьбы. Примером данных положений в современной культуре являются автобиографические/мемуарные произведения творческих/медийных людей, а их модифицированной формой оказываются личные страницы в социальных сетях, в том числе у массовой

аудитории. В виду того, что сам миф онтологичен и является вечной культурной формой, то подобные мифологизации человека о себе неизбежны, заставляя принять тезис, что миф – это судьба каждого человека, а судьба – это всегда мифологизированный проект. В рамках мифологизированного повествования индивид раскрывает не только свои взаимоотношения с миром, но и мифологизирует о себе и своей судьбе как экзистенциальном проекте, что создает комфортные пространства для субъективного бытийствования. Миф оказывается удобным пространством для решения онтологических проблем личности. Сам миф на протяжении культурно-исторического развития трансформируется. Из развернутого повествования о судьбе он превращается в разрозненные фрагменты с элементами мифологизации. И данный виток не последний в истории мифа и мифологизации судьбы человека.

Литература

Аквинский Ф. Сумма теологии // [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-3/42> (дата обращения: 21.06.2023).

Блаватская Е.П. Скрижали астрального света // [Электронный ресурс]. Москва: Эксмо, 2003. URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Tyeosoficheskiye-arkhivy-sbornik> (дата обращения: 21.06.2023).

Винчи Л. Афоризмы // [Электронный ресурс]. URL: <https://vsebasni.ru/aforizmy/leonardo-da-vinchi.html> (дата обращения: 21.06.2023).

Гераклит. Цитаты // [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.citaty.net/avtory/geraklit/> (дата обращения: 21.06.2023).

Дугин А. Постфилософия: три парадигмы в истории мысли. Москва: Евразийское движение, 2009. 744 с.

Евлампов И.И. Гностический миф в творчестве Ф.М. Достоевского // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». 2022. №1. С. 170–181.

Заславский О.Б. Человек и высшие силы: инвариантные элементы в сценах болдинских произведений // Культура и текст. 2021. № 3 (46). С. 134–146.

Золотухина-Аболина Е.В. Личность как миф и мифы личности // Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. 2021. Т.7. № 1-2. С. 34–42.

Левинас Э. От существования к существующему // Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. Москва; Санкт-Петербург.: Университетская книга, 2000. С. 7–65.

Левинас Э. Тотальность и Бесконечное // Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. Москва, Санкт-Петербург: Университетская книга, 2000. С. 66–291.

Лосев А.Ф. Диалектика мифа // [Электронный ресурс]. М.: Мысль, 2001. 559 с. https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Losev/dialektika-mifa/ (дата обращения: 21.06.2023).

Мартысюк П.Г. Мифологема судьбы и проблема генезиса категорий необходимости, закономерности и случайности // Человек. Культура. Образование. 2022. № 4 (46). С. 10–23.

Миляева Е.Г., Сулейманова С.А. Жизненный путь человека-бренда как мономиф: философско-антропологический этюд // Миф в истории, политике,

культуре: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь). Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. С. 24–30.

Найдыш В.М. Археология мифа (Мифотворчество в его историческом развитии) // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». 2022. № 1. С. 13–31.

Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество. Москва: Водолей, 2011. 208 с.

Платон. Диалоги. Москва: Мысль, 2000. 607 с.

Платон. Законы. Москва: Мысль, 1999. 832 с.

Ставицкий А.В. Фаустовский миф о свободе делания: скрытые смыслы и последствия // Мифологос. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования». 2022. № 2. С. 142–152.

Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. Москва: Республика, 1993. С. 221–238.

Хайдеггер М. Ницше. Т. 2. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2007. 457 с.

Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. Москва: Республика, 1993. С. 177–192.

Хахалова А.А. Миф как организационный принцип проживания // Миф в истории, политике, культуре. 2019. №2. С. 38–40.

Цитаты стоицизма // [Электронный ресурс]. URL: <https://jegornagel.com/czitary-stoiczizma-luchshie-czitary-stoikov/> (дата обращения: 21.06.2023).

Чернышевский Н. Эстетическое отношение искусства к действительности // [Электронный ресурс]. Москва: Искусство, 1976. 94 с. URL: http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0410.shtml (дата обращения: 21.06.2023).

Шафоростов А.И. История формирования представлений о реальности. Шаг второй: судьба и случайность в античной мысли классического периода // Известия лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16 № 1 (34). С. 151–160.

Яковлева Е.Л. Динамика мифа: от космической к экзистенциальной онтологии // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 4. С. 70–77 // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36814454> (дата обращения: 21.06.2023).

References

Aquinsky F. Sum of Theology // [Electronic resource]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-3/42> (accessed: 21.06.2023). (In Russian).

Blavatskaya E.P. Tablets of Astral Light // [Electronic resource]. Moscow: Eksmo Publ., 2003. URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Tyeosoficheskiye-arkhivy-sbornik> (date of reference: 21.06.2023). (In Russian).

Vinci L. Aphorisms // [Electronic resource]. URL: <https://vsebasni.ru/aforizmy/leonardo-da-vinchi.html> (accessed: 06/21/2023). (In Russian).

Heraclitus. Quotes // [Electronic resource]. URL: <https://ru.citaty.net/avtory/geraklit/> (accessed: 06/21/2023). (In Russian).

Dugin A. Postphilosophy: Three Paradigms in the History of Thought. Moscow: Eurasian Movement Publ., 2009. 744 p. (In Russian).

Evlampiev I.I. Gnostic Myth in the Works of F.M. Dostoevsky // *Mythologos*. The series "Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology". 2022. No. 1. Pp. 170–181. (In Russian).

Zaslavsky O.B. Man and Higher Forces: Invariant Elements in the Scenes of Boldin's Works // *Culture and Text*. 2021. No. 3 (46). Pp. 134–146. (In Russian).

Zolotukhina-Abolina E.V. Personality as a Myth and Myths of Personality // *South Pole. Studies on the History of Modern Western Philosophy*. 2021. Vol.7. No. 1-2. pp. 34–42. (In Russian).

Levinas E. From Existence to the Existing // *Levinas E. Favorites. Totality and the Infinite*. Moscow; St. Petersburg: University Book Publ., 2000. Pp. 7–65. (In Russian).

Levinas E. Totality and the Infinite // *Levinas E. Favorites. Totality and the Infinite*. Moscow; St. Petersburg: University Book Publ., 2000. Pp. 66–291. (In Russian).

Losev A.F. Dialectics of Myth // [Electronic resource]. Moscow: Thought Publ., 2001. 559 p. https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Losev/dialektika-mifa/ / (accessed: 06/21/2023). (In Russian).

Martysyuk P.G. The Mythologeme of Fate and the Problem of the Genesis of the Categories of Necessity, Regularity and Randomness // *Man. Culture. Education*. 2022. No. 4 (46). Pp. 10–23. (In Russian).

Milyaeva E.G., Suleymanova S.A. The Life Path of a Brand Person as a Monologue: a Philosophical and Anthropological Etude // *Myth in History, Politics, Culture: Proceedings of the V International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2021, Sevastopol)*. Sevastopol: Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol, 2021. Pp. 24–30. (In Russian).

Naidysh V.M. Archeology of Myth (Myth-making in its Historical Development) // *Mythologos*. The series "Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology". 2022. No. 1. Pp. 13–31. (In Russian).

Nancy J.-L. Unproductive community. Moscow: Aquarius Publ., 2011. 208 p. (In Russian).

Plato. Dialogues. Moscow: Thought Publ., 2000. 607 p. (In Russian).

Plato. Laws. Moscow: Thought Publ., 1999. 832 p. (In Russian).

Stavitskiy A.V. The Faustian Myth of Freedom of Doing: Hidden Meanings and Consequences // *Mythologos*. The series "Mythical Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Research". 2022. No. 2. Pp. 142–152. (In Russian).

Heidegger M. The Question of Technology // *Heidegger M. Time and Being: Articles and speeches*. Moscow: Republic, 1993. Pp. 221–238. (In Russian).

Heidegger M. Nietzsche. Vol. 2. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2007. 457 p. (In Russian).

Heidegger M. Overcoming Metaphysics // *Heidegger M. Time and Being: Articles and speeches*. Moscow: Republic Publ., 1993. Pp. 177–192. (In Russian).

Khakhalova A.A. Myth as an Organizational Principle of Living // *Myth in History, Politics, Culture*. 2019. No. 2. Pp. 38–40. (In Russian).

Quotes of Stoicism // [Electronic resource]. URL: <https://jegornagel.com/czitaty-stoicizma-luchshie-czitaty-stoikov/> / (accessed: 06/21/2023). (In Russian).

Chernyshevsky N. The Aesthetic Relation of Art to Reality // [Electronic resource]. Moscow: Iskusstvo, 1976. 94 p. URL: http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0410.shtml (date of reference: 21.06.2023). (In Russian).

Shaforostov A.I. The History of the Formation of Ideas about Reality. Step Two: Fate and Chance in the Ancient Thought of the Classical Period // *Izvestia of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2020. vol. 16 No. 1 (34). Pp. 151–160. (In Russian).

Yakovleva E.L. Dynamics of Myth: from Cosmic to Existential Ontology // *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. 2018. No. 4. Pp. 70–77 // [Electronic resource]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36814454> (accessed: 06/21/2023).

Сведения об авторе:

Яковлева Елена Людвиговна

профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова», доктор философских наук, доцент (г. Казань, Россия).

E-mail: mifoigra@mail.ru

Bionotes:

Iakovleva Elena Ludvigovna

Professor, Department of Philosophy and Socio-Political Disciplines, Timiryasov Kazan Innovative University, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Kazan, Russia).

E-mail: mifoigra@mail.ru

Для цитирования:

Яковлева Е.Л. Онтологические и мифологические основания судьбы // *Мифологос*. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1(5). 2023. С. 156–167.

For citation:

Iakovleva E.L. Ontological and mythological foundations of fate // *Mythologos*. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology. no 1(5). 2023. Pp. 156–167.